

Секция «Журналистика»

Субъективность и экспрессивность как факторы авторской доминанты (на примере «Окаянных дней» И.А. Бунина)

Шалимова Екатерина Викторовна

Аспирант

*Оренбургский государственный педагогический университет, Филологический факультет, Оренбург, Россия
E-mail: orenkaterina@yandex.ru*

«Окаянные дни» И.А. Бунина относятся к корпусу текстов отечественной послереволюционной публицистики. Они создавались как отклик на коренные перемены 1917 года в России.

Бунин, выбрав для фиксации своих наблюдений и мыслей по поводу революции такую жанровую форму, как дневник, предопределил тем самым специфику своих записей. С одной стороны, публицист обеспечил себе свободу в повествовании, возможность смелого выражения собственной позиции (повествование в дневнике ведется от первого лица), критики властей. С другой стороны, обрек «Окаянные дни» на вынужденное временное забвение.

Дневник как достаточно востребованный в начале XX века жанр литературы и публицистики предполагает наличие подневных записей автора, являющихся, на его взгляд, важными и достойными фиксации. Бунин в «Окаянных днях» запечатлел жестокость большевиков, абсурдность кровавой революции и безропотность населения в таких условиях: «Как потрясающе быстро все сдались, пали духом!» [1, с. 307].

Публицист не скупился на едкие и хлесткие замечания, выражаясь крайне темпераментно и экспрессивно. Критическое отношение к действительности в дневнике направлено главным образом против новой власти, которую Бунин называл «кучкой авантюристов, считающих себя политиками» [1, с. 367]. О вождах революции Бунин высказывался неоднократно и безжалостно. Так, например о Ленине он восклицал: «Какое это животное!» [1, с. 320]. В своем дневнике публицист негодует, смело подбирая негативные определения для всех сколько-нибудь заметных современников. Луначарский – «гадина» [1, с. 331]. Блок – «человек глупый» [1, с. 303]. Керенский – «высочка, делающийся все больше наглецом» [1, с. 387], большевики – «более наглых жуликов мир не видел» [1, с. 308]. Так Бунин «подсвечивает» собственное смелое «я», делая его заведомо положительным, на фоне отрицательных образов современников. Автору дневника чужды не только революционные сторонники, но и само революционное сознание, мышление, поведение. Он высказался весьма скептически относительно обещанного счастливого будущего: «Вечная сказка про красного бычка» [1, с. 328]. Так публицист выразил свое понимание революционной стихийности: «Чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются...» [1, с. 344].

Субъективная тональность текста особенно четко прослеживается во второй, одесской части, «Окаянных дней». Здесь автор все больше делится интимными воспоминаниями, мыслями, переживаниями: «Перед тем как проснуться нынче утром, видел, что кто-то умирает, умер. Очень часто вижу теперь во сне смерти...» [1, с. 326], «Видел себя

во сне в море, бледно-молочной, голубой ночью, видел бледно-розовые огни какого-то парохода...» [1, с. 365].

Для большей экспрессивности Бунин в дневнике часто употребляет библеизмы, выражая мнение, оппозиционное революции и советской власти: «Весна какая-то окаянная» [1, с. 328]; «Подлый слуга врагов наших Каин должен быть уничтожен» [1, с. 362]; «Каин России восторжествовал полностью» [1, с. 400]. За счет подобной семантически окрашенной лексики выражается оценочность публицистического текста. Гнев Бунина не распространяется в это сложное время лишь на природу. Публицист использует контрастное сочетание картин вечной, мудрой, лишённой суеты природы и мутной, шумной, дымной, неоднородной революционной борьбы. Такое противоречие появляется снова и снова на протяжении всего дневника: «Встретил в Мерзляковском старуху. Остановилась, оперлась на костыль дрожащими руками и заплакала: «Батюшка, возьми ты меня на воспитание! Куда ж нам теперь деваться? Пропала Россия, на тринадцать лет, говорят, пропала!»... К вечеру матовым розовым золотом светились кресты церквей» [1, с. 312].

Стоит отметить отношение Бунина к политическим и экономическим терминам революционного времени. Публицист обозначает их кавычками, тем самым саркастически подчеркивая инородность данных понятий, личностей, предметов и явлений, которые за ними скрываются: «И все во имя “светлого будущего”, которое будто бы должно родиться именно из этого дьявольского мрака» [1, с. 327].

Еще один способ актуализации авторского «я» Бунина и выражения протеста – это жизнь по старому времени: «С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что по-ихнему нынче уже семнадцатое» [1, с. 302]. «Часы переведены ещё на час вперёд – сейчас по моим десять утра, а “по-советски” половина второго дня» [1, с. 382]. Огородив себя от враждебной ему действительности, Бунин находит спасение в воспоминаниях: «Смотрели старинные книги, – какие виньетки, заглавные буквы! И всё это уже навеки погибший золотой век» [1, с. 322].

Обилие аргументов, примеров из истории и апелляции к авторитетам прошлого помогают сделать крайне субъективную позицию Бунина более достоверной и убедительной. Так Бунин, давая определение революции, спешит воспользоваться словами А.С. Пушкина о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном» [1, с. 399].

Бунин тяжело переживал происходящее в стране. Истинными виновниками ненужного и бессмысленного кровопролития он называл правительство большевиков; стараясь емко охарактеризовать новую власть, публицист приводит выражение Ф.М. Достоевского: «И все недели лавровые венки на вшивые головы» [1, с. 368].

Субъективность и экспрессивность Бунина как автора полностью отвечают требованиям публицистического письма, помогая автору дневника максимально ярко и наглядно выразить свое отношение к событиям в стране.

Литература

1. Бунин И.А. *Собрание сочинений: В 6 т. М.: Сантакс, 1994. Т. 6.*